

УДК 316.65

ВОЛНЫ НА МЕЛКОВОДЬЕ: КРИТИКА ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРОРИЗМА

Прошин Д. В.

Днепропетровский университет им. А. Нобеля, Днепропетровск, Украина

E-mail: bishop.74@mail.ru

Раскрыто содержание одной из наиболее популярных в настоящее время теорий трансформации терроризма – волновой теории Д. Рапопорта. Подвергнуты критическому анализу ее основные положения; с привлечением значительного фактического материала продемонстрирована их поверхностность и некорректность.

Ключевые слова: терроризм, волновая теория трансформации терроризма, критика.

ВВЕДЕНИЕ

С конца 1990-х гг. террологическое сообщество особенно активно обсуждает вопрос о характере и механизмах изменений в идеологии и практике террористического насилия. К числу наиболее заметных участников этого обсуждения относится Д. Рапопорт, создатель волновой теории трансформации терроризма.

Согласно теории Рапопорта, последние 130 лет были временем чередования четырех мировых волн террористического насилия: анархистской (с 1880-х до начала 1920-х гг.); антиколониальной (с 1920-х до начала 1960-х гг.); волны леворадикального терроризма (с 1960-х гг. до 1979 г.); и волны религиозного терроризма (с 1979 г. по настоящее время). Каждая из этих волн, полагает Рапопорт, приводится в движение единым импульсом («энергией») – неким политическим конфликтом или иным процессом, определяющим характер террористического насилия на очередном этапе. Работа Рапопорта [1] была названа «одним из наиболее важных исследований, когда-либо появлявшихся в необозримой литературе по проблеме терроризма» [2, Р. 44]. Однако при детальном ознакомлении с рапопортовой теорией обнаруживается, что она не столько приближает нас к правильному пониманию изменений, претерпеваемых терроризмом, сколько препятствует такому пониманию.

Террологическая литература действительно «необозрима», и, зная это, было бы рискованным утверждать, что идеи Рапопорта до настоящего времени никогда не подвергались критике. Вместе с тем в ряде серьезных публикаций, на страницах которых в разных аспектах дискутировалась проблема генезиса и трансформации терроризма и где можно было ожидать появления подобной критики, замечаний в адрес теории Рапопорта не прозвучало [3; 4; 5; 6]. Заслуживает упоминания основательная статья М. Креншоу, посвященная опровержению идеи качественно отличного «нового» терроризма, якобы возникшего на рубеже XX-XXI вв. Волновая теория во многом созвучна этим утверждениям, но Креншоу лишь вскользь упомянула о ней, заметив к тому же, что Рапопорт не настаивает на «качественной особенности» последней, религиозной, волны терроризма [7, Р. 121-122] (что не согласуется с утверждениями самого автора волновой теории, для которого каждую из волн отличает особый набор идеологических, тактических и пр. особенностей).

В то же время идеи Рапопорта нередко становятся частью рассуждений других авторов; на их основе строятся диссертационные исследования; вышел в свет как минимум один сборник работ, написанных под влиянием этих идей [8; 9; 10]. На фоне популярности волновой теории и при отсутствии заметных попыток ее критического анализа очевидна потребность в существенной переоценке выдвинутых Рапопортом теоретических положений. Подобная переоценка весьма актуальна в контексте вышеупомянутых дискуссий о путях и формах трансформации терроризма и может способствовать разработке более гибких и продуманных мероприятий по противодействию террористическому насилию.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Популярность волновой теории понятна. Она предлагает кажущуюся довольно четкой и убедительной схему изменений в характере и методах террористического насилия. Указав, что исследователи, как правило, фокусируют свое внимание на отдельных террористических группировках, Рапопорт создает предельно широкую картину, в которой соединяет друг с другом общемировые импульсы, якобы вызывающие чередующиеся волны терроризма; стратегию; тактику; особенности личного состава; причины успехов и неудач наиболее значительных «современных» (по определению Рапопорта) террористических организаций. Однако, как было сказано, при детальном рассмотрении открываются серьезные изъяны волновой теории.

Прежде всего привлекает внимание то, что не выдерживается уже сам волновой паттерн, по определению являющийся центральным элементом всей теоретической конструкции. Предложенная Рапопортом трактовка волны вполне стандартна: это «цикл активности, наблюдаемый в данный период, – цикл, состоящий из фазы расширения и фазы сжатия» [1]. В настоящее время мы якобы имеем дело с волной религиозного терроризма. По прогнозу Рапопорта, она угаснет около 2025 г., и, следовательно, относительно ее еще рано делать окончательные выводы. Но если обратиться к предшествующим волнам, то выяснится, что в структуре ни одной из них не просматривается четкого чередования двух обязательных фаз волновой динамики – расширения и сжатия, подъема и спада и террористической активности. В то время как одни конфликты прекращаются, другие сохраняют динамику, переходят на качественно новый уровень остроты или только возникают и разгораются, несмотря на то, что согласно хронологии Рапопорта, их появление относится к фазе спада.

Так, Рапопорт называет первую волну анархистской (1880-1910-е гг.¹), и к обозначенному им временному рубежу анархистский терроризм в Западной Европе и США действительно угасает. Но одновременно созревают условия для предельного обострения англо-ирландского конфликта (проходящего через всю первую волну). Конфликт перерастает в ширококомасштабное вооруженное противостояние (1919-23 гг.), в ходе которого Ирландская республиканская армия (ИРА), основанная в 1919 г., будет систематически обращаться к террористическим

¹ Рапопорт противоречит сам себе. Он датирует начало первой волны 1880-ми гг., однако сам же в качестве первого акта этой волны называет покушение на генерала Трепова (1878). В 1879 г. была образована «Народная воля», в том же году успевшая совершить два покушения на жизнь императора Александра.

методам. Антиправительственный терроризм в России в прежнем виде исчезает после 1917 г., но только сыграв свою роль в подготовке почвы для катастрофических революционных коллизий. Самые крупные повстанческие/террористические организации антиколониальной направленности (не считая ИРА, возникшей много раньше и резко снизившей свою активность к середине 1920-х гг.) образуются не в начале, а в конце второй волны (греческая «Национальная организация освобождения Кипра» (ЭОКА), 1955-59 гг.; алжирская Армия национального освобождения, 1954-62 гг.). Расплывчатый финал третьей, левацкой, волны (которую Рапопорт вынужден представить укороченной, чтобы 1979 г. датировать начало религиозной волны) также совершенно не укладывается в рамки волнового паттерна. Западногерманская «Фракция Красной армии» (РАФ), итальянские «Красные бригады», французское «Прямое действие», индийские и перуанские повстанцы/террористы маоистского толка продолжают свою деятельность как минимум до конца 1980-х гг., а некоторые из них и значительно дольше. Если же добавить к левацкому, якобы доминирующему (что далеко не бесспорно, см. ниже), компоненту современный ему терроризм националистический (палестинский, ирландский, баскский), то рассуждения о том, что в конце 1970-х гг. третья волна вступила в фазу угасания, окажутся просто недопустимо далекими от истины.

Итак, первое критическое замечание, которое должно прозвучать в адрес Рапопорта, касается избранной им формы для систематизации и обобщения проявлений террористического насилия. Какими бы ни были содержание и направленность процессов в данной сфере, можно однозначно утверждать, что мы не имеем дела с четкими и регулярными волновыми колебаниями в строгом (а точнее – корректном) понимании феномена волны.

С разваливающимся волновым паттерном непосредственно связан, но к нему не сводится другой изъян теории Рапопорта (которую, как мы теперь видим, строго говоря, нельзя называть «волновой»). Этот изъян – утверждение, что террористическая активность приводится в движение и подпитывается прежде всего некими общемировыми импульсами. Даже если бы Рапопорт ограничился рассуждениями о равномерной линейной этапности трансформаций террористической активности, и тогда вызывала бы возражения его попытка представить какие бы то ни было универсальные импульсы в качестве движущего начала террористического насилия в конкретных его проявлениях.

Рапопорт осознает нечеткость границ и внутреннюю негомогенность обозначаемых им волн, однако он полагает, что в состоянии объяснить все это ссылками на мировые импульсы, доминирующие в каждой из них. Собственно, для Рапопорта история чередующихся волн терроризма – это история их доминирующих импульсов, а не конкретных группировок, охваченных их хронологическими рамками. Организации вторичны по отношению к волнообразующим импульсам. Они могут быть непосредственным порождением доминирующего импульса или возникнуть под влиянием какого-то «побочного» политического конфликта; они могут возникнуть и исчезнуть в рамках своей волны или пережить ее – в любом случае, утверждает Рапопорт, базовый волновой паттерн сохраняет свою стабильность. «Инородные» организации, пусть и возникшие в рамках чужой волны, испытывают влияние ее импульса (так, Рапопорт считает, что

националистические организации, современные первой, анархистской, волне, перенимают у «титульных» анархистских элементов «доктрину» и тактику индивидуального террора). Даже если террористические организации переживают свою волну, это не означает, что на смену старому импульсу не приходит новый. В изменившемся контексте долгоживущие группировки либо превращаются в своего рода изолированные политические реликты, либо подпадают под влияние новой волны (чисто националистическая ИРА в «левацкие 1960-70-е гг.» якобы усваивает леворадикальную идеологию классовой борьбы; секулярная палестинская «Фатх» на религиозном этапе заимствует идеи исламского экстремизма и т. д.).

Эти уточнения и поправки позволяют Рапопорту завуалировать, однако отнюдь не устранить серьезнейшие противоречия, которыми во всех частях обременена его теория. Скорее, при внимательном рассмотрении, предложенные уточнения делают теорию Рапопорта еще уязвимее.

Рапопортовы рассуждения о мировых политических импульсах, распространяющихся поверх национальных границ и формирующих волны терроризма, грешат чем-то вроде политической «мистики». Из написанного Рапопортом нельзя понять, каким образом эти мировые импульсы – по логике вещей, экзогенные по отношению к большинству локальных проявлений террористической активности – формируют свои волны, вовлекают в них вполне конкретные политические конфликты и связанные с ними террористические организации. Почему дистантные и нередко воспринимаемые на уровне абстракций импульсы должны признаваться более существенными для формирования траектории локальных группировок, чем импульсы, имманентные конкретным конфликтам? Рапопорт называет «агонию» войны во Вьетнаме основным импульсом третьей волны, но его теория не может объяснить, почему американские ультралевые (т. н. «метеорологи»), которые, казалось бы, должны были острее и дольше всего реагировать на вьетнамский импульс, сошли с политической сцены, сделав по ней всего лишь несколько шагов (1970-1975 гг.), тогда как западногерманские террористы, также откликнувшиеся на «агонию» Вьетнама, продолжали свои акции до начала 1990-х гг. Без игнорируемой Рапопортом конкретики отдельных конфликтов, на уровне мировых материй на этот вопрос ответить невозможно.

Почему долгоживущая террористическая организация должна рассматриваться как переживающая свою волну, а не как отражающая развитие затяжного локального конфликта? И, если принять точку зрения Рапопорта, что означает для конкретной группировки подпадание под влияние нового мирового импульса? Что происходит с тем локальным конфликтом, на почве которого она возникла? Почему ее руководители и рядовые члены избирают новые идеологические ориентиры? Означает ли это, например, что предварительно меняются «кадровый состав» организации и ее социальная база? Рапопорт в данном случае довольствуется несколькими словами о том, что слияние с новой волной «создает специфические проблемы для организации и ее конститuentов» [1], и приводит пример того, как якобы полевевшая ИРА в 1960-70-х гг. столкнулась с непониманием со стороны националистически настроенных сторонников из диаспоры. О самом процессе трансформации не сказано ничего, как если бы политический курс

террористической группировки при переходе ее на новый этап менялся по необъяснимому «наитию» какой-то внешней силы.

Такое же впечатление оставляют и рассуждения Рапопорта о пересекающихся в пределах одной волны «доминирующих» и «второстепенных» импульсах. Рапопорт постулирует факт влияния «доминирующих» импульсов на «инородные» террористические группировки, но не объясняет, почему и как это происходит, – к примеру, почему националистические группировки третьей волны якобы должны были испытывать влияние левой идеологии. (Акцент именно на обязательности такого влияния, поскольку в противном случае нельзя было бы говорить о его универсальном характере, и это заставило бы Рапопорта признать, что восприимчивость или невосприимчивость к некоему внешнему «доминирующему» влиянию обусловлена внутренними особенностями локальных конфликтов, порождающих отдельные террористические группы.) Когда же Рапопорт пытается подкрепить фактами свои рассуждения о «доминирующих» и «второстепенных» импульсах, он нередко вопиющим образом противоречит фактам или обходит молчанием неудобные обстоятельства.

Так, в полном противоречии с утверждениями Рапопорта ирландский терроризм в 1960-70-х гг. не только не становится левоориентированным, но прямо отказывается от левых идей в пользу традиционно националистических, «республиканских». Террористическая кампания 1970-90-х гг. была развязана т. н. «временными», отколовшимися от «исторической» ИРА именно в знак несогласия с марксистской ориентацией ее руководства [11, Р. 341 и далее].

Также Рапопорт ошибочно отождествляет русских террористов – народовольцев и эсеров – с анархистами. Именно народовольцы оказали известное идейное влияние на европейских анархистов, и, следуя логике Рапопорта, первую волну мы должны были бы называть «народовольческой». Не имеют под собой никакого основания слова Рапопорта о русских террористах, на рубеже XIX-XX вв. «обучавших» террористов, действовавших на территории других стран. «Народная воля» не обучала никого; что же касается эсеров (которых, надо полагать, Рапопорт тоже без каких-то оговорок причисляет к анархистам), то их отношения с польскими и армянскими националистами дают пример не «старшинства» или «наставничества», а сотрудничества против царизма согласно хрестоматийному принципу «враг моего врага – мой друг» [12].

Ни слова не сказано об абсолютно независимом от каких-то внешних идейных влияний националистическом терроризме фениев – предтеч ИРА. Их «динамитная кампания» опередила и по времени, и по размаху аналогичную кампанию французских анархистов [13; 14], из чего следует естественный вопрос о правомерности определения анархистского терроризма как однозначно доминирующей разновидности террористического насилия на рубеже XIX-XX вв.

Сепаратисты-сикхи в Индии объявляются принадлежащими к религиозной волне, поскольку сикхская община в религиозном отношении резко выделяется на фоне индуистского большинства. Вместе с тем ирландцы-католики, ведущие борьбу с британцами-протестантами, оказываются отнесенными то к антиколониальной, то к леворадикальной волне, и т. д., и т. д.

Наконец, вызывает возражения и то, как Рапопорт пытается выстроить связь между «доминирующим» импульсом той или иной волны и террористическими методами, наиболее широко применяемыми в ее рамках.

Рапопорт указывает: анархисты отдают предпочтение шокирующим индивидуальным покушениям (нередко якобы сопровождавшимся жертвенной гибелью самого террориста); сепаратисты, ведущие борьбу против центральной власти, наносят удары по полицейским и военнослужащим; представители левацкого терроризма, подобно анархистам, стремятся произвести шокирующий, «театральный» эффект своими действиями – громкими покушениями, угонами самолетов, захватом заложников на земле и т. д.; религиозно мотивированные террористы совершают самоубийственные акции (что напоминает Рапопорту «мучеников» анархистского терроризма). «Доминирующий» импульс определяет наиболее распространенную тактику своей волны: анархисты якобы передают свою тактику националистам рубежа XIX-XX вв.; секулярная организация тамильских сепаратистов («Тигры освобождения Тамил-Илама») в 1980-х гг. перенимает опыт самоубийственных атак у террористов-мусульман и т. п.

Здесь вновь в полной мере ощущается все тот же не находящий солидного подтверждения схематичный универсализм. В очередной раз Рапопорт предлагает расплывчатую, во многом искаженную картину, заставляющую задуматься о его некомпетентности или же недобросовестности. Никакого четкого доминирования и влияния того или иного импульса не просматривается в тактических приемах одновременно действующих разнородных организаций. Тамильские сепаратисты могут обращаться к тактике самоубийственных терактов шиитской «Хезболлы», но ирландские и баскские сепаратисты, активно действующие в 1980-90-х гг., не проявляют ни малейшего интереса к примеру ближневосточных «мучеников за веру». Националисты-фении осуществляют свою масштабную «динамитную кампанию», не ведя никакой тактической «переключки» ни с западноевропейским анархистским терроризмом – хотя бы потому, что фении на несколько лет опережают большинство анархистов-одиночек, – ни с русскими народовольцами. Более того, действуя практически одновременно с народовольцами (ставшими образцом для европейских анархистов), фении в своей тактике (взрывы бомб в общественных местах) избирают путь, прямо противоположный индивидуальным атакам, нацеленным народовольцами против императора Александра или высокопоставленных чиновников (конечно же, с поправкой на то, что народовольцы не останавливались перед побочными жертвами: примером чего служит осуществленный Халтуриным в 1880 г. взрыв в Зимнем дворце).

Рапопорту не только не удастся показать, как описываемые им мировые импульсы проявляют себя в формировании общих тактических приемов на том или ином этапе; не подтверждается со сколько-нибудь заметной стабильностью и наличие непосредственной связи между определенной идейно-политической установкой и конкретными террористическими методами (причем, как уже сказано, не обходится и без очевидных ошибок и искажений). Так, совершение шокирующих индивидуальных покушений ни в коем случае не является исключительно анархистским или левацким методом. Единственной террористической организацией, убившей двух глав правительств (индийского и ланкийского), на сегодняшний остается организация тамильских сепаратистов. Подобного рода

акции совершали и сионистская организация «Лехи» (убийства лорда Мойна в 1944 г. и ооновского посредника графа Бернадота в 1948 г.); ИРА (убийство посла Великобритании в Ирландии Эварт-Биггса в 1976 г. и кузена королевы лорда Маунтбеттена в 1979 г., покушение на премьер-министра Тэтчер в 1984 г.); баскская группировка ЭТА (убийство премьер-министра Испании адмирала Карреро Бланко в 1973 г.) и т. д.

Захваты заложников (а тем более угоны самолетов), заметно участвовавшие в конце 1960-х – начале 1970-х гг., могут в немалой степени объясняться не идеологическими мотивами, а изменившимися техническими условиями. Развитие средств массовой информации, доносящих до широкой аудитории новости о действиях и требованиях террористов, и одновременное появление такого уязвимого для террористов транспортного средства, как самолет, предсказуемым образом выдвинули на передний план захваты заложников и угоны. Причем тактику захвата заложников, как на земле, так и в воздухе, одинаково охотно используют и террористы левацкой направленности (захват посольств боевиками Японской Красной армии, РАФ и боевиками перуанской организации «Тупак Амару» в 1974, 1975 и 1996-97 гг. соответственно), и сепаратисты (захват поездов в Нидерландах молуккскими террористами в 1975 и 1977 гг., угон авиалайнера хорватскими националистами в 1976 г.), и религиозные экстремисты (многочисленные захваты заложников в ходе религиозно окрашенных конфликтов на Ближнем Востоке и т. п.).

Ссылаясь на заимствование самоубийственной тактики тамильскими «тиграми», Рапопорт, похоже, не замечает, что тем самым он не столько подтверждает свою точку зрения насчет влияния волнообразующих импульсов на «побочные» группировки, сколько подрывает ее. Если секулярная террористическая группировка перенимает методы религиозных террористов, оставаясь при этом секулярной, то не говорит ли это об отсутствии прямой связи между самоубийственными терактами и религиозными мотивами их организаторов и исполнителей? Заимствование действительно имело место – в данном случае Рапопорт прав, – но исключительно как перенимание эффективного метода, и это означает, что тактические предпочтения террористов могут обуславливаться исключительно конкретными практическими соображениями, но отнюдь не «мистическим» вмешательством некоего общемирового импульса. Интересно также отметить, что в статье, посвященной чеченскому терроризму, ее авторы Р. Курц и Ч. Бартлс подчеркивают, что главным мотивом чеченских смертников и смертниц является не религиозный фанатизм, а желание мести [15, Р. 530-531]. Наконец, совершенно некорректны рассуждения о едва ли не желанном «мученичестве» анархистских террористов (к которым, напомним, причислены и русские народовольцы и эсеры). Действительно, готовность пожертвовать собой была очень высока в рядах этой разновидности террористов (равно как и других разновидностей), но даже знакомство с элементарными фактами показывает, что далеко не все они стремились к посмертной «мученической» славе. (Вышеупомянутый народоволец Халтурин, подложивший бомбу под царскую столовую и убивший 11 человек, во всяком случае не искал геройской смерти.)

ВЫВОДЫ

Работа Рапопорта, ставшая здесь основным объектом критики, весьма пространна; критикуя ее и в общем, и в деталях, неизбежно сталкиваешься с риском выйти за рамки формата для журнальной статьи. Поэтому многое из того, что также заслуживает критического внимания, было здесь упомянуто лишь вскользь или же вовсе оставлено за рамками рассмотрения. Однако, думается, цель, поставленная в начале этой статьи, достигнута. Вскрыты очевидная теоретическая невнятность и обескураживающая фактологическая необоснованность рапопортовых построений. Более того, здесь, в заключении, нужно обратить внимание еще и на то, что сам Рапопорт не видит никакого эвристического потенциала в своей теории. Рапопорт не предлагает никаких серьезных прогнозов относительно будущего четвертой, религиозной, волны, равно как и относительно тех волн, появления которых, по логике его теории, следует ожидать в отдаленном будущем. Иными словами, это не столько объяснение феномена трансформации терроризма, сколько его (совершенно некорректное) описание.

У автора данной статьи нет никаких сомнений насчет того, что теория Рапопорта представляет собой дутую величину. И парадоксальным образом ее успех («одно из наиболее важных исследований») и ее плачевное внутреннее состояние проистекают из одного источника. Рапопорт, как было сказано выше, предложил на первый взгляд четкую всеохватную схему, способную создать комфортное впечатление упорядоченности и проясненности. Однако в итоге печальный опыт рапопортовой теории оказывается поучительным примером того, что изучение терроризма и его трансформаций не должно и не может эффективно вестись с уровня предельных абстракций, с упорным игнорированием специфики конкретных политических конфликтов (оставляя в стороне щекотливый вопрос о более чем неуверенном владении фактами, продемонстрированным Рапопортом). В своем стремлении обобщить факты и обнаружить под ними универсальные, общемировые тенденции Рапопорт далеко ушел за ту грань, за которой теоретическое построение перестает отвечать как требованиям академического исследования, так и интересам возможного практического применения обнародованных выводов. Необоснованная и вязкая, волновая теория мало что объясняет в процессе становления тех или иных разновидностей терроризма и, соответственно, мало что дает тем, кто решает проблему противодействия террористическому насилию. Единственное, что может оправдывать дальнейший интерес к ней, – это ее способность служить предостережением от тех ошибок, которые подстерегают слишком поспешных или самонадеянных исследователей в их обращении к сложнейшей проблеме терроризма.

Список литературы

1. Rapoport D. The Four Waves of Modern Terrorism / D. Rapoport // <http://www.international.ucla.edu/cms/files/Rapoport-Four-Waves-of-Modern-Terrorism.pdf>
2. Simon J. Technological and Lone Operator Terrorism / J. Simon // Terrorism, Identity and Legitimacy: The Four Waves theory and political violence / [Rosenfeld J., Rasler K., Thompson W. et al.]; ed. by J. Rosenfeld. – Abingdon: Routledge, 2011. – 262 p.
3. Networks, Terrorism and Global Insurgency / [Turbiville G., Sloan St., Bunker R. et al.]; ed. by R. Bunker. – Abingdon: Routledge, 2005. – 211 p.
4. Root Causes of Terrorism / [Bjorgo T., Gupta D., Maleckova J. et al.]; ed. by T. Bjorgo. – Abingdon: Routledge, 2005. – 269 p.
5. Values and Violence: Intangible Aspects of Terrorism / [Sen A., Bilgrami A., Karawan I. et al.]; ed. by I. Karawan, W. McCormack and St. Reynolds. – Dordrecht: Springer, 2008. – 288 p.
6. Understanding Violent Radicalization: Terrorist and Jihadist Movements in Europe / [Ranstorp M., Korteweg R., Gohel S. et al.]; ed. by M. Ranstorp. – Abingdon: Routledge, 2010. – 263 p.
7. Crenshaw M. The Debate over “New” vs. “Old” Terrorism / M. Crenshaw // Values and Violence: Intangible Aspects of Terrorism / [Sen A., Bilgrami A., Karawan I. et al.]; ed. by I. Karawan, W. McCormack and St. Reynolds. – Dordrecht: Springer, 2008. – 288 p.
8. Gupta D. Understanding Terrorism and Political Violence / D. Gupta. – Abingdon: Routledge, 2008. – 283 p.
9. Smith P. Fourth Wave of Terrorism and the International System: a dissertation submitted... for the degree of doctor of philosophy in political science / Smith Paul. – University of Hawaii, 2005. – 356 p.
10. Terrorism, Identity and Legitimacy: The Four Waves theory and political violence / [Rosenfeld J., Rasler K., Thompson W. et al.]; ed. by J. Rosenfeld. – Abingdon: Routledge, 2011. – 262 p.
11. Coogan P. The IRA / P. Coogan. – N. Y.: Palgrave, 2002. – 808 p.
12. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917 / А. Гейфман // www.kouzdra.org/page/texts/geifman/6.html
13. Merriman J. The Dynamite Club / J. Merriman. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2009. – 259 p.
14. Whelehan N. The Dynamiters: Irish Nationalism and Political Violence in the Wider World, 1867-1900 / N. Whelehan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 324 p.
15. Kurtz R. Chechen Suicide Bombers / Robert Kurtz, Charles Bartles // Journal of Slavic Military Studies. – 2007. – № 20. – P. 529-547.

Прошин Д. В. Хвилі на мілководді: Критика хвильової теорії трансформації тероризму / Д. В. Прошин // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66), – № 1. – С. 261-269.

Розкрито зміст однієї з найбільш популярних в даний час теорій трансформації тероризму – хвильової теорії Д. Рапопорта. Піддані критичному аналізу її основні положення; із залученням значного фактичного матеріалу продемонстрована їх поверховість і некоректність.

Ключові слова: тероризм, хвильова теорія трансформації тероризму, критика

Proshin D.V. Waves in shallow water: the critics of the wave theory of the transformation of terrorism / D.V. Proshin // Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University. – Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology. – 2014. – Vol. 27 (66), – No 1. – P. 261-269.

The content of one of the most currently popular theories of terrorism transformation, D.Rapoport's wave theory, has been disclosed. Its basic points have been subjected to criticism; with application of considerable facts, their superficiality and incorrectness have been demonstrated.

Key words: terrorism, wave theory of terrorism transformation, criticism.